

Рай

Через некоторое время я обернулся и увидел громадную толпу, шедшую за мной... Тогда первый, которого я видел, войдя в город, сказал мне:

— Куда вы идете? Разве вы не знаете, что вы уже давно умерли?

*В. Гюго. «Отверженные»
(часть 1-я, книга VII, гл. IV)*

I

ЗАВЕЩАНИЕ

1

Перо остановилось, и банкир нетерпеливо зашевелил пальцами, смотря поверх строк в лицо бронзовому скифу. Мертвая тишина вещей, окружающих изящным обществом лист бумаги, равнодушно ждала нервного скрипа. Пишущий вздохнул и задумался.

На некотором расстоянии от его глаз, то уходя дальше, то придвигаясь вплотную, реяли призраки воображения. Он вызывал их сосредоточенным усилием мысли, соединял и разъединял группы людей, оживлял их лица улыбками, волнением и досадой. Чужие, никогда не виданные люди эти толпились перед ним, настойчиво заявляя о своем существовании, и смотрели в его глаза покорным и влажным взглядом.

Он не торопился. Лично ему было все равно, кто наследует громадное состояние, и он тщательно пере-

бирал различные нужды человечества, стараясь заинтересовать себя в употреблении денег. Родственников у него не было. Благотворительность и наука, открытия и изобретения, премии за добродетель и путешествия — проникали в сознание затасканными словами, не трогая любопытства и жалости. Банкир закусил губу, резко перечеркнул написанное и перевернул лист следующей чистой страницы.

Другие, насмешливые мысли подсунули ему кучу эксцентрических решений, чудачеств, прихотей и капризов. Изобретение механической вилки, улучшение породы кроликов, перпетуум-мобиле, лексикон обезьяньего языка — множество бесполезных вещей, на которые ушло бы все состояние. Но, едва родившись и кутаясь в холодную пустоту души, мысли эти гасили свои измученные улыбки: нужно было много хлопот и серьезного размышления над пустяками, чтобы завещание, составленное таким образом, получило значение документа.

Банкир сделал рукой, державшей перо, нетерпеливое движение и написал снова:

«Я, нижеподписавшийся, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю все мое состояние, движимое и недвижимое...»

Далее был тупик, в котором уныло толклась мысль, превращая последнее дело жизни в простое желание развязаться с листом бумаги. Завещать было некому, и медленно сокращалось сердце, вялое, как измученная рука. За окном румянился вечер, целуя землю, и прозрачные стекла горели золотым блеском, открывая даль, полную спокойного торжества.

Банкир стал прислушиваться к себе, улыбаясь и хмурясь как ребенок, встряхивающий разбитую погремушку. Наклонив голову, с рассеянным и сухим лицом мурлыкал он когда-то любимые мотивы, песни и арии, но делано звучал голос. Банкир кивнул голо-

вой; в прошлом жизнь бросала ему раны и поцелуи, их сладкая боль насекала морщины вокруг глаз, и жадно смотрели глаза. Память высыпала яркие вороха, он сумрачно смотрел в них, пораженный обилием маленьких трупов, — минувших радостей. Крошечные руки их тянулись к его лицу, гладкому и сытому лицу человека, уже смерившего глазами короткое расстояние между жизнью и смертью. Прошлое превратилось в воздух, обступило письменный стол, блеснуло в лаке шкапулок, набитых письмами, в мраморной наготе статуй, легло ковром под ногами, встало у двери и последним коротким эхом замерло в напряженной душе.

Банкир тяжело осмотрелся и медленно подверг нервы страшной пытке насилия, но не было волнения и тревоги, злобы и нежности. Ясное, ленивое сознание кропотливо удерживало боль тоскливых усилий, отказываясь страдать без цели и идти без конца. Хлынуло тяжелое утомление, спутало мысли и заковало голову в тесный стальной обруч.

Итак, он ничего не напишет. Потом, может быть, послезавтра, многие станут удивляться неоконченным строчкам завещания, торопливо предполагая все, вплоть до желания оставить деньги правительству. Человеконенавистники обвинят его в черствости и легкомыслии, нищая добродетель создаст ему репутацию атеиста. И никто не узнает, что добросовестно, целых полтора часа он размышлял о своем завещании. Куда уйдут деньги, — ему безразлично до отвращения. Обмануть себя он не может, так же как не может отрезать себе голову. Ясное, мертвое равнодушие — последняя истина его жизни; раньше их было слишком много, этих старых, молодящихся истин с восторженными глазами. Все они бессмысленно клеветали друг на друга, как разобиженные кумушки. Довольно истин и лжи, одно стоит другого.

Банкир встал и хотел выйти, но вдруг остановился, протянул руку к индусской вазе, подарку своей первой жены, и мерным рассчитанным движением сбросил на пол десятки тысяч. Огромный сосуд сверкнул в воздухе массивным, прекрасным в полудикой наивности своей узором и глухо треснул, разлетевшись в куски, как простой горшок. Банкир отбросил ногой острые черепки и вышел из кабинета.

2

Пустые залы, проникнутые суровым молчанием, услышали звук шагов. Плотный, неповоротливый человек, с черными волосами и желтым сухим блеском тщательно выбритого лица, шел тяжелой походкой, опустив голову.

По дороге он останавливался у каждой двери и медленно нажимал кнопки. Тотчас же, вслед за движением его руки, вспыхивало электричество, и, мигнув, разлетался мрак, уходя в стены.

Так прошел он залу за залой, почти весь отель, без размышления и улыбки. Взгляд его бегло переходил с предмета на предмет, — все здесь было слишком знакомо его утомленному вниманию. Первая зала, в которую он вступил, горела разноцветным шелком, яшмой и золотом. Пухло улыбались диваны, пестрели ковры, чинно блестело оружие; из маленьких, светлых курильниц тянулись дымки, синяя в желтизне света, и мертвая, пышная тишина кружила голову.

Следующая, круглая зала, в голубом зареве люстр, жеманно кокетничала. Живопись восемнадцатого столетия, легкая, как хоровод бабочек на весенней лужайке, скрывала стены и потолок, устроенный в виде купола. Розовые белокурые пажи, красавицы в высоких прическах и голубых туфлях, маркизы в жабо, со шпагами и лютнями, посылали друг другу обворожи-

тельные, навеки застывшие улыбки. Над ними, разбрасывая гирлянды цветов, кувыркались толстенькие амуры, и мебель, полная живых изгибов, отражала матовым блеском голубой свет.

Далее тянулся ряд зал, выдержанных в бледных тонах. Бледный паркет, белые лепные украшения, изящная вольность линий, закругленность в асимметрии, прихотливость в законченности, каприз, продуманный до конца. Стремительный человеческий дух отбрасывал жизненный колорит прошлого и грезил красотой умирания, нежной, как веки ангелов, как радуга лесных паутин.

Потом яркая зелень растений спуталась над банкиром. Сверху, снизу, из многочисленных лепных консолей падали зеленые, цветущие вороха, ложась на полу и вытягиваясь струйками завитков. Пышная растительность всех оттенков; пряная сырость оранжереи; пахучая красота сада; солнце тропиков в капле воды; воздух, затканый листьями. Квадратный бассейн, выложенный розовым мрамором, блестел темной водой; отражения толпились в ее глубине под водными орхидеями, тюльпанами и розами. Горбатый, серебряный тритон купался, высунув голову, и звонкие капли текли из его пасти, колыхая мгновенным плеском дремоту воды.

Банкир рассеянно осмотрелся, новая мысль затрепетала в его мозгу, мысль, похожая на благодеяние и проклятие. Любовно, ревниво обдумывал он закипающее решение, тщательно проверив цепь мыслей с начала и до конца:

«...Яркий свет заставляет мигать; бессознательное движение. Все люди мигают. Часто мигающие тупы и подозрительны. Птицы не мигают, у них круглые, внимательные глаза. Не мигают слепые. Слепота изощряет слух. Слепые не видят, но догадываются, и это отражается на их лице. Слепых следует убивать. Сле-

тые почти никогда не убивают себя, из жалости к себе они продолжают существовать и мстят этим так же, как и уроды, калеки — все оскорбленные с ног до головы своим духом и телом...»

Банкир отправился в кабинет, сел к столу и ровным, крупным почерком приписал следующее:

«...местному жителю, человеку, лишенному рук и ног от природы или в силу случайности; независимо от его звания, имени, общественного положения, пола и национальности; самому молодому из всех, не имеющих означенных членов — в его полное и бесконтрольное распоряжение».

Он бросил перо, перечитал написанное и в первый раз после угрюмых дней скуки рассмеялся ленивым, грудным смехом.

II

ЛЮБИТЕЛИ ХОРОШО ПОЕСТЬ

Когда все уселись и глаза каждого встретились с глазами остальных участников торжества, — наступило молчание. Замерли незначительные, стыдливо отрывистые фразы. Шевелились головы, руки, принимая то или другое положение, но не было слов, и скучная тишина покрывала черты лиц сдержанной бледностью.

Все пятеро: четверо мужчин и одна женщина, сидели за круглым торжественно белым столом в обширной, высокой комнате. Электрический свет падал на серебро, хрусталь бокалов, цветы и маленькими радужными пятнами льнул к скатерти.

Потом, когда молчание сделалось тягостным и нервные спазмы подступили к горлу, а ноги невольно начали упираться в пол, когда неодолимая потребность

страхнуть мгновенно оцепенение возвратила живую краску лиц, — банкир сказал:

— Надеюсь, что время пройдет весело. Никто не может нам помешать. Как вы спали сегодня?

Следы бессонной ночи еще не растаяли на его желтом, осунувшемся лице, и человек, к которому относился вопрос, глухо ответил:

— Спал неважно, хе-хе... Да... Совсем плохо. Так же, как и вы.

— А вы? — обратился хозяин к женщине, сидевшей прямо и неподвижно, с пылающим от болезненной силы мысли лицом. — Вы, кажется, хорошо спали, вы розовая?

— Да... Я... благодарю вас.

— А вы? — Банкир с мужеством отчаяния поддерживал разговор. — Странно: меня это интересует. Ничего?

— Извините, — чужим, тонким голосом сказал офицер, — я буду молчать. Я не могу разговаривать.

— Хорошо, — любезно согласился банкир, — но предоставьте мне поддерживать разговор, это необходимо. Уверяю вас, — мы должны говорить. О чем хотите, все равно. Мне приятно слушать собственный голос. Отчего вы так потираете руки, вам холодно?

— Хе-хе, — встрепенулся бухгалтер. — А вы заметили? Напротив, мне жарко.

— Вот меню обеда, — сказал хозяин, — надеюсь, оно удовлетворит вас... — Все вздрогнули. — Я шучу, господа... тсс... постараюсь воздержаться. Раковый суп, например... Спаржа, утка с трюфелями, бекасы и фрукты. Скромно, да, но приготовлено с особой тщательностью. Опять все молчат. Говорите, господа!.. Говорите, господа!

— Ну, скажу вам, что я не чувствую себя, — заявила женщина. — Это не пугает, но неприятно. Нет ни рук, ни ног, ни головы... точно меня переделали заново, и я

еще не привыкла упражнять свои члены. И я думаю бегло, вскользь, тупыми, жуткими мыслями.

— Вот принесут кушать, — сказал бухгалтер, — и все пройдет. Ей-богу!

— У всех трясутся руки и губы, — неожиданно громко заявил офицер. — Господа, я не трус, но вот напротив, в зеркале, вижу свое лицо. Оно совсем синее. Мы сойдем с ума. Я первый начну бить тарелки и выть. Хозяин!

Банкир поднял брови и позвонил. Лакей с наружностью дипломата бесшумно распахнул дверь, и лица всех торопливо окаменели, как вода, схваченная морозом. Фарфор, обвеянный легким паром, бережно колыхался в руках слуги; он нес кушанье, выпятив грудь, и вдруг шаги этого человека стали тише, неровнее, как будто кто-то тянул его сзади за фалды. Он медленно, трясущимися руками опустил кушанье на середину стола, выпрямился, побелел и отступил задом, не сводя круглых, оцепеневших глаз с затылка бухгалтера.

— Уходите! — сказал банкир, играя брелочком. — Вы нездоровы? Сегодняшний день в вашем распоряжении. Вы свободны. Что ж вы стоите? Что вы так странно смотрите, черт побери!

— Я...

— Я рассчитываю вас, молчать! Управляющий выдает вам жалованье и паспорт. Вон!

Лакей вышел, и все почувствовали странное, глубокое облегчение. Краска медленно исчезла с побагровевшего лица хозяина. Он виновато пожал плечами, подумал и заговорил:

— Ушел, наконец! Не обращайте внимания, господа, мое последнее путешествие продолжалось так долго, что слуги забыли свои обязанности. Никто не потревожит нас. Попробуйте это вино, сударыня. И вы, капитан... Позвольте, я налью вам. Рекомендую попро-

бовать также это, оно слегка заостряет мысли. Затем можно перейти к более буйным сортам. Вот старое итальянское, от него приятно кружится голова, и розовый свет туманит мозг. Посмотрите сквозь стекло, я вижу там солнечные виноградники Этны. Эти угрюмые бутылки не должны смущать ваше милое лицо, принцесса: под наружностью театрального злодея у них ясная и открытая душа. Я лично предпочитаю вот этот археологический ликер: вдохновенное опьянение, в котором начинает звучать торжественная и мрачная музыка. Чокнемся, господа!

Руки соединились, и стаканы вскрикнули маленьким, осторожным звоном... Вино блеснуло, точно в нем судорожно бились крошечные золотые рыбки, и разноцветные зайчики скользнули по белизне ска-терти.

Журналист вынул платок, тщательно протер очки, надел их и внимательно посмотрел на жидкость. Она невинно горела перед ним в тонком стекле ровным, красным кружком. Женщина, молча, усиленно проглатывая, выпила все до последней капли; глаза ее смотрели поверх бокала, темные, ласковые глаза. Капитан выпил раньше всех. Бухгалтер нервно хихикал и потирал руки, озноб леденил его. Банкир сказал:

— Вино порядочное. Возьмите на себя роль хозяйки, сударыня!

Женщина вспыхнула и нерешительно протянула руку. Капитан отвесил ей глубокий поклон.

— Из ваших рук, сударыня?

Глаза его тяжело смотрели в растерянное молодое лицо. Девушка не нашлась что ответить, пальцы ее выразительно пошевелились; казалось, это была просьба молчать. Только молчать. Ни слова о неизбежном. Разве не знает он, что эти руки нальют и себе.

— Позвольте вашу тарелку, — тихо сказала девушка.

Три слова брызнули ударом хлыста в перекошенные подступающей судорогой лица. Кто-то задел посуду, и мягкий звон поплыл в тишине комнаты. Стих он, и молчание сделалось шумным от быстрого дыхания обедающих. Одежда теснила и жгла тело, хотелось сорвать ее; кровь стремительно ударяла в мозг, все плыло и качалось перед глазами. Непостижимое единство ощущений спаяло всех; казалось, из сердец их протянулись слепые щупальца и цепко сплелись друг с другом. Рты с шумом выбрасывали воздух, ноги дрожали и ныли. Над столом двигались женские руки, и тарелка за тарелкой возвращалась на свое место, полная до краев.

— У вас все сильнее блестят глаза, — сказал белый, как молоко, журналист. — Вы, конторский червь, — когда вы перестанете глупо смеяться? Ведь это ужасно! У меня пропал аппетит, благодаря вам. Ну вот, слава богу!..

Бухгалтер визгливо рыдал, уткнувшись в салфетку. Лица его не было видно, но затылок подпрыгивал, как резиновый, и все, затаив дыхание, смотрели на гладко остриженную, плясавшую от безумного плача голову. Капитан громко свистнул, он не выносил нервных людей.

И вдруг все засуетились, бесцельно, с тупым состраданием уговаривая бухгалтера. Девушка схватила его мокрую, вялую руку и, стиснув зубы, сжала изо всех сил побелевшими от усилия пальцами.

— Если вы будете плакать, — сказал капитан, — я брошу в вас хлебным шариком. Смотрите, я уже скатал. Он плотный и пробьет вам череп, как пуля.

Жалкий, убитый вид бухгалтера портил обед, и злобная жалость закипала в сердцах, полных отчаяния. Журналист гневно кусал ногти. Хозяин сказал:

— Господа, это же так естественно! Оставьте его!

— Слышите, молодой старичок? — продолжал капитан. — Я целюсь! Постыдитесь дамы! Нехорошо!

Бухгалтер поднял голову и рассмеялся сквозь слезы. Теперь он походил на маленького, загримированного мальчика, с фальшивыми бородой, морщинами и усами.

— Удивительно! — шепнул он. — Какая слабость! Простите меня!..

Снова придвинулась тишина, и чьи-то пальцы хрустнули под ее гнетом, резко и противно, как сломанные. Журналист взял ложку и стал есть, сосредоточенно, быстро, с глазами, опущенными вниз. Когда он жевал, уши его слегка шевелились.

— Замечательный суп! — вздохнул он, придвигая тарелку ближе. — Меня огорчает то, что я ем насильно. Впрочем, — немного вина, и все уладится. А! С удовольствием вижу, что все последовали моему примеру. Я, кажется, слегка пьян. Знаете, что больше всего мне нравится в вас, сударыня? Что ваша порция съедена. Мои нервы натягиваются, в голове крылья... Безумно хочется разговаривать... И потом — вы так грациозно щиплете хлеб... Я уверен, что у меня веселое лицо. Все краснеют, работают невидимые маляры... Кто засмеется первый? Улыбнитесь, мадмуазель! Не так, это улыбка мертвеца. Улыбнитесь кокетливо! Мерси. Господа! Я как будто никогда, никогда не говорил! Представьте себе такое ощущение... Капитан, удержите ваши глаза, они подозрительно круглеют... Я, вообще, должен много сказать... Bravo, господин конторщик, вы так энергично трянули головой и вытираете губы вашей заплаканной салфеткой!.. Мне кажется, что вы ниже меня... нет, нет, не спорю!.. Я, может быть, счастлив... О чем вы думаете, хозяин?

— Слежу за собой, — отчетливо произнес банкир. — Мне весело, уверяю вас. Так вот, вдруг ударило в голову и стало весело... Да, представьте себе.

Я могу летать... Правда, неуклюже летать, но все-таки могу. Бог со мной, здесь. Я чувствую его подавляющее присутствие. Он наполняет меня. Я весь из массивного, литого золота. Все вы сидите от меня страшно далеко.

— Вы все милые, — неожиданно ввернула девушка. — Вот вам! Боюсь я? Нет, ни капли!..

— И я! — сказал бухгалтер.

— И я!

— И я!

— И я!

— Господа!.. — крикнул капитан, прикладывая руку к груди. — Мне хочется что-то сказать вам. Но я не могу, простите!.. Братья! Есть вечность?

— Об этом подумаем завтра, — сказал хозяин.

— Он сказал — «завтра»! — подхватила девушка. — Вы слышите, господа? «Завтра»!..

— Ха-ха-ха-ха-ха!..

— Хо-хо!..

— Хе-хе-хе!.. хи-ххи!..

— Вы удивительный человек, хозяин!.. — кричал журналист. — Мы хотим кушать, слышите? Тащите нам жареного бегемота!.. Не откладываете до завтра! Работай челюстями! Шевелись, старый отравитель, распоряжайся, капризник!..

Журналист ласково подмигнул хозяину и положил руки на колени, стараясь прекратить их быструю дрожь. Бухгалтер пугливо улыбался, ворочался, напевал сквозь зубы и часто вздыхал. Другой лакей принес смену блюд, поставил и удалился.

Теперь ели развязно, машинально и быстро. Взрывы хохота наполняли воздух, веселая истерика трясла грудь, пылали лица, и громкий спутанный разговор сверлил уши страстными, взволнованными словами.

— Расскажите нам, — говорил банкир, обращаясь к девушке, — расскажите что-нибудь о себе... Вам есть что

рассказать, вы жили так мало. Мое прошлое велико, я часто путаюсь в нем, брежу и сочиняю... Кто захотел бы жить с отчетливым до минут грузом прошлого? Слабая память — спасение человека... Он вечно переделывает себя в прошлом... Расскажите про ваш короткий весенний путь... Мне кажется, что вы еще любите молоко, парное, с запахом сена, а?..

— Я жила просто, — сказала девушка, — но прежде уберите ваши глаза, они так неприятно налились кровью... Знаете, я думаю, что я бессмертна!.. Вы слышите, какой у меня звонкий голос? Как маленький рожок. И он замолчит? Нет, тут что-то не так!.. Вот, все смотрят на меня и улыбаются. Ну что же, господа, вы расшевелили меня! Я много болтаю... Я, может быть, даже пьяная, но я вот нахмурюсь сейчас, и вы увидите... Ах, господин журналист, знаете, вы похожи на разгоряченного петуха!.. А вы, капитан, не притворяйтесь волком, вы очень добры. Я, кажется, говорю комплименты?! Ничего не будет, я уверена в этом... То есть я просто-таки не верю, что умру!

Покрывая ее голос, заговорил капитан, и странно тяжелы были его слова, как будто держали человека за горло и сдавливали его каждый раз в конце слова, заставляя проглотить окончание. И все почувствовали инстинктом, что капитан борется с ужасом, почувствовали и стали бессмысленными, как воздух, и легкими, как сухой снег. Тошнота защекотала внутренность, мозг кричал и ломился в изгибы черепа, и глухо ныл череп.

— Я облокачиваюсь на стол, — сказал капитан. — Смотрите, каков я! Я еще чувствую себя. Слышите! Помолчите... один уходит... Левой... ноги... у меня... нет... Какие мы странные... больные... несчастные... Я хорошо... понимаю... что... на лицо... мое... страшно... смотреть... Внутри... у меня... гудит... Электричество гаснет... потому что... темно. Я боюсь!.. Ваши лица...